

RU

Реванш ресентимента и легитимизация системы ценностей коллаборационизма: от «эго-документа» «В дни войны» Р. Нератовой до романа «Вальхен» О. Громовой

Свитенко Н. В.

Аннотация. В статье анализируются способы, которыми новая историческая проза для подростков осуществляет управление прошлым. Результаты подобных усилий приводят к онтологическому «коллапсу»: разрушению национальной картины мира в сознании подрастающего поколения. Ценностно ориентированная литература, способная по воле автора вывести читателя-подростка на уровень формирования национального самосознания, – размышления о Родине, ее судьбе, ментальности русского человека, его психологии и метафизике – выступает в качестве элемента национальной «онтологической обороны». Научная новизна исследования обусловлена обращением к текстам, которые ранее не попадали в поле литературоведческого внимания: эго-документ Р. Нератовой «В дни войны», привлеченный для контекстуального анализа романа «Вальхен» О. Громовой, впервые выступил в качестве материала для научного исследования и позволил проявить некоторые аспекты техники «управления прошлым», используемые в современной прозе для отрочества. Цель исследования – определение аксиологического семиозиса как этической категории художественного, принципиально значимой для подростковой прозы о «трудных периодах отечественной истории», предполагающей обращение к тезам национального культурного кода, художественная репрезентация которых определяется ценностной позицией автора. Полученные результаты показали: выявление прецедентного (в аксиологическом аспекте) текста позволяет увидеть прозу для подростков о «трудных периодах отечественной истории» как инструмент в психоисторических войнах памяти. Реальные «эго-документы» эпохи не могут быть использованы в аутентичном виде для переписывания когнитивной исторической матрицы, поскольку являются самообличительными. Постепенное инкорпорирование ценностей коллаборационистов в художественную прозу позволяет увидеть, как работает технология расширения информационного и этического предела в сегменте детской литературы.

EN

Retaliation of resentment and the legitimization of collaborationist values: From the “ego-document” “In Wartime” by R. Neratova to the novel “Valchen” by O. Gromova

N. V. Svitenko

Abstract. The article analyzes the ways in which new historical young adult prose manages the past. These efforts result in an ontological “collapse”: the destruction of the national worldview in the consciousness of the growing generation. Value-oriented literature, which, at the author’s will, can lead to the formation of national self-awareness among the young readers – reflections on the Motherland, its fate, the mentality of the Russian people, their psychology and metaphysics, – acts as an element of the national “ontological defense”. The scientific originality of the research is due to the focus on the texts that previously did not receive attention in literary studies: the “ego-document” “In Wartime” by R. Neratova, used for contextual analysis of the novel “Valchen” by O. Gromova, has become a material for scientific research for the first time and has revealed certain aspects of the “management of the past” technique employed in contemporary young adult prose. The aim of the research is to determine axiological semiosis as an ethical category of the artistic, fundamentally significant for young adult prose about “difficult periods of Russian history”, which involves referring to the theses of the national cultural code, whose artistic representation is determined by the author’s value position. The research findings have shown: identifying a precedent text

(in the axiological aspect) allows us to see young adult prose about “difficult periods of Russian history” as a tool in psycho-historical wars of memory. Real “ego-documents” of the era cannot be used in their authentic form for rewriting the cognitive historical matrix, as they are self-incriminating. The gradual incorporation of collaborationist values into fiction allows us to see how the technology of expanding the information and ethical limit works in the segment of children’s literature.

Введение

Культурно-историческое, образовательное и воспитательное (системное и целенаправленное) воздействие на подростков, формирующее историческое сознание, провоцирующее поколенческий раскол, отчуждение молодежи от истории и культуры своей страны, поддерживается новой прозой о «сложных периодах отечественной истории», способствующей слову советской модели исторического сознания, в которой Великая Отечественная война – одна из главных скреп национального культурного кода, сакральный предел когнитивной матрицы. В связи с этим актуальность исследования определяет его предмет: способы переосмысления традиционного семиозиса в произведениях, избранных для анализа, где события разворачиваются непосредственно в период военных действий 1941-1945 годов.

Материалом исследования послужили роман «Вальхен» О. Громовой, повесть «Сталинский нос» Е. Ельчина и дневник Р. Нератовой «В дни войны»:

- Громова О. К. Вальхен. М.: КомпасГид, 2024.
- Ельчин Е. Сталинский нос. М.: Розовый жираф, 2013.
- Нератова Р. И. В дни войны: семейная хроника. СПб.: Журнал «Звезда», 1996.

Поставленная цель предполагает обращение к следующим задачам: проанализировать особенности современной репрезентации «трудных периодов отечественной истории» в контексте «войн памяти» в избранных текстах; обозначить приемы и способы разрушения матрицы исторического сознания в литературе для подростков; определить специфику дидактического функционала прозы для подростков в контекстуальном анализе работы с национальной исторической памятью.

Работа выполнена в русле ценностно-онтологического метода, сочетающего литературоведческий инструментариум аналитики текста и философскую теорию ценностей: такой подход позволяет представить читателю литературно-художественную рефлексию ценностных сдвигов и мировоззренческих изменений, формирующих авторскую аксиосферу.

Теоретической базой исследования послужили научные труды историков и филологов, в которых представлена широкая разноаспектная аналитика информационно-психологической войны (Горелкин, 2003; Ермолов, 2005; Сорокина, 2015; Шанцева, 2010; Бернацкая, Гаврилов, Жилина и др., 2019), проблематики прозы для подростков о «трудных периодах отечественной истории» (Лану, Херолд, Бухина, 2024; Суверина, 2015).

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в практике педагога-словесника и библиотекарей, а также послужить материалом для научного обеспечения курсов по истории детской литературы.

Обсуждение и результаты

Роман «Вальхен» повествует о жизни подростков в оккупированном Крыму и германском плену. Главная героиня, пятнадцатилетняя Валентина, девочка «с глубокими, сильными чувствами», становится жертвой гитлеровского и сталинского режимов. Постепенное осознание героиней сути советской жизни построено по лекалам, отработанным в повести «Сахарный ребенок»: формула прозрения задана фразой «так что же это получается?» – далее можно подставлять нужные идеологемы. Так что же это получается? – Сталин и Гитлер идентичны в своих властных амбициях? То, что пелось в советских песнях и декларировалось в советской литературе, – ложь? Хваленая Красная армия сдала нас в плен без боев и нас же за плен наказывает? Гитлеровская пропаганда точно такая же, как и советская, – то же замалчивание правды в угоду политической выгоде?..

Во время немецкой оккупации девочка постепенно открывает для себя ложь советского режима, и открывает ей «правду», конечно же, немец. В разговорах матери с расквартированным сухим, холодным, но все понимающим и культурным немцем, который «как это... не поддерживаю идеи войны, если вы об этом. Никакую войну. Ни здесь, ни где-то еще, – так же ровно и почти без эмоций сказал немец, – но то, что мы есть побежденные в прошлой войне, это... не слишком приятно... Вождем нужна была идея, под которую можно было развязать войну и... как это... оттяпать хорошие территории. Для этого идея национал-социализма об уберменш и унтерменш – ничуть не хуже любой другой. Если люди готовы за нее умирать. Или не готовы, но обязаны. Мне это... не слишком интересно. Я просто выполняю закон. Хорошо, что я знаю языки. Поэтому я переводчик, а не командую людьми или танками. Убивать довольно противно, а я могу этого не делать. Война – циничная вещь. Если бы не напали мы, то Сталин напал бы на нас. ...В ваших газетах открыто писали про будущую войну на чужой территории в Европе. – Переводчик говорил ровно, спокойно, холодно, будто и не спорил, а просто констатировал факты. – Что у вас писали в сороковом году про новые территории? Что на этом Союз не остановится, чтобы... как это там... – он щелкнул длинными тонкими пальцами, – “освободить рабочих и крестьян от капиталистов по всей Европе”. Это, по-вашему, не подготовка к нападению? Поэтому кто первый – тот и прав» (Громова, 2024, с. 123-124).

Просвещенный немец, «странный фашист», вынесет приговор и советской литературе: «Советская беллетристика никуда не годится – одна пропаганда». И главная героиня, открыв любимый томик Гайдара, читает эпизод из «Голубой чашки», и читатели понимают вместе с героиней, что прославленный советский писатель – лжец.

По мотивам общения мамы с «характерным» нацистом будет сформулирована центральная идея текста: «Думаю, мы еще не раз увидим, как понятия “друг” и “враг”, “свой” и “чужой” перепутываются. А может быть, и соединяются. Как вот в этом странном офицере» (Громова, 2024, с. 123-124). Для переосмысления этих понятий, таких очевидных в контексте аксиологии отечественной героической картины мира, и написана книга «Вальхен».

По ходу развития сюжета «отрабатываются» главные компоненты новой исторической концепции: партизанское движение – «партизанщина», бессмысленное деяние и прямое зло, подставляющее мирных людей под уничтожение; переселение крымских татар – бессмысленное, беспощадное; советская номенклатура спасала свои шкуры и бросила людей на произвол судьбы.

Жизнь героини в плену приносит очередные прозрения: немцы «оказываются» глубоко культурным, трудолюбивым народом, терпеливо сносящим тяготы гитлеровского режима. И немцы не озлобились, приветливы, они спрашивают, как дела, в отличие от скотского отношения соотечественников.

Красота, ухоженность маленьких городов Германии, доброта, сочувствие выкупившей девочку из плена немецкой семьи, мудрость католического пастыря и первая любовь – вот те «чудесные» впечатления, которые вынесла Валентина из пребывания в фашистской Германии. Самое тяжелое физическое испытание героини в плену связано с ударом резиновым шлангом, которым наказывает девушку за нерасторопность нацистка-«НКВДешница» – «надзирателька», «айнвайзерка» по кличке «Волчиха». Так нехитро автор проводит семантическую параллель с аналогичным эпизодом в повести «Сахарный ребенок», уравнивая действия фашистов и советской власти.

Внутренний облик героини, тщательно и детально воссозданный, настолько усреднен, что не представляет серьезного художественного или хотя бы психологического интереса. «Глубокая» героиня жертвует своей любовью ради возвращения на Родину, в итоге – жертвует совершенно бессмысленно: брат бессмысленно погиб в партизанах, родители бессмысленно погибли, бессмысленный брак с «хорошим» человеком, безрадостная и бессмысленная жизнь в «советском гетто» и только глоток свободы начала девяностых дал возможность героине почувствовать настоящую жизнь и встретиться с первой любовью в мелодраматическом финале. Если и было что-то светлое в жизни героини – так это жизнь в немецком плену. Заглавие – сильная позиция текста: героиня отказывается от «отечественного» имени Валентина, принимая новое имя вместе с новыми ценностными приоритетами.

Часть романного повествования представлена в дневниковых записях другого персонажа, с менее «глубокими и сильными» чувствами, – Наташи, инфантильной, несамостоятельно мыслящей девочки. Поначалу она транслирует пропагандистские клише о ненависти к врагу, а затем в ценностном реверсе проклинает «предавшую» ее Родину и счастливо перебирает возможных женихов, которых повстречала в германском плену. Жертва возвращения на Родину для этой героини также была напрасна: Наташе не довелось дожить до светлого дня настоящей победы в 1991 году – «так и не вышла замуж», «попить стала» и рано ушла из серой безрадостной «советской» жизни.

В романе «Вальхен» есть претензия на психологическую прозу, однако «психологизм» лишен при этом какой бы то ни было внутренней динамики. Бытовая, будничная конкретика в романе оказывается самодостаточной, за ней не обнаруживается того, что могло бы стать основой серьезных художественных и жизненных размышлений. Мысли и чувства героев романа, плывущих «по течению», всех обвиняющих и мерящих мир исключительно мерой собственной радости или боли, разыгрываются в сентиментальной тональности, вызывающей сомнения в глубине этих мыслей и чувств.

Автор претендует на создание трагедии, но получается мелодрама: «...трагические сюжеты не сводимы к индивидуальному человеческому уровню, потому предполагают специфическую эмпатию – “оглядывание” на других, единый знаменатель коллективного переживания (“на миру и смерть красна”). Мелодрама же апеллирует к эмпатии интимной, и даже сюжеты, внешне трагичные, понимаются как результат давления обыденных обстоятельств, а не космических сил. В рамках этой трансформации оказывается важна оппозиция публичного и приватного, частного пространства и официального. ...Катастрофа разворачивается в приватном, камерном пространстве. ...Основные черты мелодрамы предполагают сосредоточенность на приватном, интимном пространстве, сконцентрированность на сильных эмоциях, которые должны потрясти читателя/зрителя» (Синицкая, 2016, с. 217-218).

«Сильные эмоции» должны потрясти читателя романа «Вальхен», но для этого нужны «живые» герои, и не «схематозные» иллюстрации, послушно транслирующие хрестоматийный набор антисоветских и антирусских идеологем. Шаблонный, с элементами пошлой романтики и сентиментальности, сюжет получил соответствующее неудачное речевое решение. Попытка сочетания традиционной речи повествователя с желанием представить «изнутри» внутренний мир подростка в момент его становления, использование непосредственного «языка отрочества» может служить примером художественной неудачи в силу явной идеологической тенденциозности. Не решаясь отдать приоритет ни монологу повествователя, ни монологу персонажа, автор в итоге приходит к сомнительному с точки зрения художественной убедительности компромиссному «гибриду» «взрослой» сентиментальности, рассудительности и нравоучительности с ребяческим (также несвойственным отрочеству) простодушием.

М. А. Черняк в статье «Эффект узнавания реальности в современной прозе для переходного возраста» отмечает, что «современные подростки, как и юношество других эпох, крайне чувствительны к любого рода фальши. Неслучайно результаты социологических опросов свидетельствуют о том, что юного читателя раздражает “сладкая” и “добренькая” литература с хеппи-эндом, они требуют серьезной и проблемной, пусть горькой,

но честной литературы» (2013, с. 136-151). Добавим, что вопрос не столько в «жесткости» или «примитивности» сюжета, сколько в специфике авторского художественного дара и исповедуемой системы ценностей, поскольку, по известному афоризму Хемингуэя, «по-настоящему серьезное отношение к писательскому делу – одно из двух неперемных условий. Второе, к сожалению, – талант».

Разрыв между тем, что реально собой представляет «Вальхен» (художественная и аксиологическая суть), и тем, как книга позиционируется («новый долгожданный роман Ольги Громовой, автора одной из главных детских книг XXI века – «Сахарный ребенок», – выдержавшей уже восемь изданий в России и переведенной на десятки языков от французского до тайского»), вызывает когнитивный диссонанс.

Учитывая, в какой степени сторонникам «истинной» отечественной истории важен «документ», сколь значимую роль в аргументации новой исторической концепции прошлого играют «эго-документы» – рассказы соседки («Сахарный ребенок»), бабушки («Польная елка»), семейные истории («Сталинский нос», «Дети ворона»), – представляется необходимым в контексте данной работы обратиться к классическому «эго-документу» – дневнику «В дни войны» Риммы Нератовой.

Формула интертекстуальной работы, озвученная А. К. Жолковским («а что, если прочитать текст А с текстом Б в руках?» (1994, с. 10)) и примененная к анализу романа «Вальхен», дает весьма нетривиальный результат. Дневник «В дни войны» Риммы Нератовой можно рассматривать в качестве прецедентного текста для прозы О. Громовой в аксиологическом аспекте: ценностные установки, вплоть до детальных совпадений в оценке всего советского. Кроме того, эстетические предпочтения, эмоциональный колорит, перспектива видения рассказчика, интонационный рисунок, мещанская точка зрения, сентиментальная вкусовщина в романе «Вальхен» Громовой и дневнике Нератовой идентичны.

Дневник «В дни войны» Нератовой (в девичестве – Кошкиной: труды отца Нератовой, профессора Кошкина-Курганова, стали основой для работ Солженицына и были неоднократно в исследованиях историков маркированы как фальсифицированная информация, претендующая на историческую достоверность) – книга коллаборациониста. Дневник был издан в 1996 году и тогда, в середине девяностых, производил впечатление «безумия». Редактор издания дневника, посвященного «сыну Сашеньке», разместил информацию о том, что автор – искусствовед, иконописец и правдолюб, тонкий ценитель аутентичной русской культуры, написала книгу о мытарствах своей семьи в период Великой Отечественной войны. Читатель с недоумением воспринял текст, где молодая девушка, студентка медицинского института, эвакуированная с семьей из блокадного Ленинграда на Кавказ, добровольно становится сотрудницей «ставки Геббельса». То есть система ценностей автора дневника с точки зрения расширения информационного предела воспринималась как «немыслимая». Авторы статьи «Управление сложными системами: пределы и преобразование информации в поведение» используют замечательный термин «информационная гранула» (Алексеев, Фрейдина, Хрущев, 2021): можно сказать, что публикация дневника Нератовой была очевидной информационной «передозировкой». Сам факт публикации дневника с самыми положительными коннотациями по поводу фигуры автора «сдвигал» восприятие аксиологической картины мира Нератовой в категорию «радикального», но все еще не «приемлемого» для наших соотечественников.

В настоящее время ценностная позиция Нератовой воспринимается не просто как «допустимое», «приемлемое» и «разумное», а практически как «действующая норма». Так работает технология расширения информационного предела. Теперь, спустя почти тридцать лет, в контексте читательского внимания к «настоящей правде» о войне, беспрецедентного тиражирования и распространения «новой» исторической прозы в детские библиотеки страны, стало возможным ввести в массовый читательский обиход и книгу Нератовой – в ценностном плане они неразличимы. Однако издатели не спешат этого делать.

Дело в том, что свидетельства Нератовой позволяют увидеть подмену, лицемерие, ложное оправдание безвыходностью, позволяют увидеть, что работа на немцев, отступление с немцами, работа на Третий рейх – это именно вполне осознанный выбор. Семья автора дневника была эвакуирована из Ленинграда, поправилась на Кавказе и могла бы уйти из Эссентуков к нашим. Вопрос, кто для Нератовой и ее семьи «наши». Все, кто мог двинуться, ушли, даже раненые – пешком, но семья Кошкиных-Кургановых решила остаться ждать немцев. Правда, сказано об этом, как о вынужденном деянии («Но как же вещи? Бросить вещи невозможно»): «Остались мы на произвол неизвестной судьбы. Опять, как в Ленинграде во время осады, было чувство, что нас бросили, что мы никому не нужны. Как было обидно и горько» (Нератова, 1996, с. 129-130). Затем семья Нератовой должна была уходить из Берлина вместе с власовцами (и это тоже, по мнению автора, вполне оправдано), но что-то пошло не так: «Папа, вернувшись домой, имея теперь в руках “несомненный факт”, что нас не взяли, забыли, бросили и даже не сообщили об этом, не очень возмущался и кипел, как мы того ожидали, он был очень грустен – и разочарован» (1996, с. 268). Ресентиментное сознание, зажатое в тиски обиды, ненависти и страха, всегда ищет виноватого.

В качестве комментирующей параллели процитируем слова автора повести «Сталинский нос»: «...убивая лучшее в себе из чувства самосохранения, мы делали вид, что верим в идею коммунизма. Но нас объединяла не идея коммунизма – нас объединял страх» (Ельчин, 2013, с. 167). Ельчин начал писать повесть для того, чтобы понять «страх, переданный ему», и «прервать передачу страха из одного поколения в другое» (2013, с. 168). Дневник Нератовой позволяет пояснить генезис страха: ненависть к советской власти рождала страх ее (ненависти) разоблачения.

В эпизоде празднования нового, 1943 года семьей Кошкиных отец семейства, услышав выстрелы, смертельно испугался, что в Эссентуки вошла Красная армия, но все обошлось – просто младшая дочь отмечала праздник с немцами, которые, выпив лишнего, устроили пальбу.

Суть отношения ресентиментного сознания автора дневника и ее семейства к любой власти понятна из следующего эпизода, где Нератова приводит отрывки из архива своего отца: «...пока немцы были победителями,

их издевательство находило еще какое-то объяснение в праве победителя, праве сильного (выделено нами. – Н. С.), но когда стала очевидной их политическая глупость, когда стала ясной их военная несостоятельность, тогда их оскорбления стали особенно тягостными, они вызывали уже зоологическую ненависть, ненависть, которая обострялась еще досадой обманувшегося человека... “А что, мы виноваты, если нас силой сюда привезли?” ...И думал каждый: придет Красная Армия – будут доносить, чтобы страховаться. Разговоры менялись, менялось поведение. Я помню случай, когда в наш цех привезли для ремонта взятую немцами на фронте советскую пушку. Наши ребята стали обнимать и целовать ее. И многие делали это не только потому, что пушка “родная”, а потому, что хотели показать на всякий случай свои просоветские настроения. Атмосфера большевизма распространялась на много километров впереди Красной Армии. Мы ее уже ощущали» (1996, с. 253-254).

Возникает вопрос, **кто** будет доносить на русских в Берлине? Ущербное рессентиментное сознание не знает братского состояния, желание Нератовой отсидеться среди «своих», пока бушует война («Рисовалась мне тогда только мирная Сибирь, вдали от фронта, среди “своих”» (1996, с. 130)), не предполагает реальной общности людей, готовых жертвовать ради друг друга или идти на жертву ради утверждения своей правды. Вся жизнь проходит в психологическом подполье, разумеется, это рождает «травму», которую автор пытается представить как истинное состояние настоящих «человеков», носителей большой культуры в «гетто» советской ложной исторической памяти. Изворотливые приспособленцы, готовые делать что угодно ради сохранения своих жизней. В министерстве Геббельса дочь профессора Кошкина-Курганова работала художницей: «...где появлялись мои портреты и карикатуры, я не знаю, я их никогда не видела и никогда не подписывала – это было одно из условий моей работы, очень приятное для меня (выделено нами. – Н. С.). Мой шеф ни разу не сказал, где их печатали и где показывали, а я не спрашивала. Я работала для Хакенбергера (т. е. для министерства) до самого нашего отъезда из Берлина весной 1945 года» (Нератова, 1996, с. 253-262).

Возникает вопрос, почему при тяготении к литературе факта, к неофициозной «патриотической» точке зрения, при желании восстановить историческую справедливость, правду, подросткам предлагается не подобный «эго-документ», а беллетристика? Сопоставление прозы Громовой с дневником Нератовой в аксиологическом аспекте позволяет понять, что в «эго-документе» четко артикулированы, обнажены истинные ценности идеологических оппонентов советской власти, весьма непривлекательные для читательской аудитории поклонников «Гарри Поттера» Дж. Роулинг и «Дома, в котором...» М. Петросян, ориентированной на героическую систему ценностей.

Беллетризованное изложение «документа» позволяет форматировать реалии прошлого в угоду «утвержденному» и «одобренному» на сегодняшний день набору идеологем. Например, украинцы, изображаемые в новой исторической прозе как щедрые, великодушные, «поющие», с богатой народной культурой, в дневнике Нератовой показаны исключительно не толерантно (продажный украинец-управляющий, его хищная семья, путающая прибыль с наживой и откровенно прислуживающая нацистам).

Не может не вызвать отвращения многостраничное изображение невыразимой пошлости «красивого» общения с культурными европейцами, «смелость» разговоров с немецким военным начальством, флирты с немцами-«воинами»: «...немцы весело вострепнулись и бегом перебежали улицу... Они буквально изголодались по возможности разговаривать с девушками по-немецки. Такие молодые, как и наши мальчики, призванные в армию. И никакой враждебности, заносчивости. И у нас к ним – тоже никакой враждебности. Опять меня вблизи поразила породистость их лиц. Не у одного-двух – все они выглядели холеными, красивыми и очень приветливыми. Когда мы двинулись дальше, они щелкали каблуками, кланялись и благодарили за удовольствие разговора. ...И эти молодые, свежие, веселые военные пользовались огромным успехом: местные девицы (да и ленинградские) повлюблялись в них, а немецкие молодые люди – в девиц. На улицах – все, смешавшись, ходили гулять, разговаривали, смеялись. Все на время как будто забыли о войне. И русские, и немцы» (Нератова, 1996, с. 136-137).

Учитывая, что параллельно изображаемым событиям идет Сталинградское противостояние, описанные сцены вызывают особенно негативные читательские эмоции. Здесь уместно вспомнить слова Тихона из романа Ф. М. Достоевского «Бесы»: «Некрасивость убьет». Именно антиэстетизм, уродство собственного поступка побуждает Ставрогина к суициду (хоть он и «тепел», но память о Боге у него есть). Сентенции утонченной, образованной Нератовой ошеломительны нравственно-этическим фарисейством, каким-то глубинным неразличением добра и зла: «...вера или “безверие” меня не тревожили. Только самый факт “некрещенности”. Силу же своей связи с миром нематериальным я ощущала с очень ранних лет, это было как бы – врожденное. Мне казалось иногда, что мне как дар дана чуткость улавливать духовные истины, полные простоты и гармонии, на которых покоится вся земная жизнь – как отражение иного мира» (1996, с. 259).

Подростки уловят «нравственную анестезию» Нератовой и ее семьи: позиция невмешательства, отстраненных высококультурных наблюдателей за «дикарями-соотечественниками» приводит к отвратительным поступкам. Когда профессорскую семью эвакуировали из блокадного Ленинграда и выдали сухой паек, «мама предупредила: “Ешьте очень медленно”, а колбасу сразу забрала от нас, чтоб мы не ели ее пока – мы все отвыкли от острой копченой еды, от всякой настоящей еды! Мы понимали, что съесть сейчас колбасу – значит наверняка заболеть очень серьезно и, быть может, умереть» (Нератова, 1996, с. 109). Преисполненное знанием семейство Кошкиных молча наблюдало, как «ленинградские дистрофики буквально набросились на еду. Ели все подряд, быстро, жадно заглатывая все, что можно было положить в рот, не думая и не зная, что от длительного голода перерождается весь пищеварительный тракт... И началась повальная дизентерия и смерти» (Нератова, 1996, с. 109).

Убогое рессентиментное сознание автора дневника «В дни войны» свою личную проблему генерализирует до мировой. Человека культуры от хама отличает не способность обсуждать «Фауста» на языке оригинала,

а способность мировую проблему осознать как свою личную и решать ее как свою личную, разворачивая бытие от первого лица. «Масса» «простых» и «непростых» советских людей разных национальностей обладала высоким уровнем сознания и была причастна высоким ценностям. Сознанию же, уединенному в своей «аримановской» пошлости, недоступно понимание жертвы. Понять, почему Андрей Платонов, которому было за что ненавидеть советскую власть, когда началась война, стал военным корреспондентом и создал сборник рассказов «Одухотворенные люди», ресентиментное сознание не в состоянии.

Такой «эго-документ» вызовет вопросы даже у поверхностных читателей. И переписывание ценностной матрицы Великой Отечественной войны может пойти по незапланированному сценарию. Реальное свидетельство самообличительно – это точка зрения коллаборационистов. Поэтому создается новая историческая проза, в которой ценностная позиция автора резонирует с позицией Нератовой, а беллетристическая сюжетная канва и идеологически заданная мотивная структура позволяют представлять героев исключительно как жертв режима.

Роман «Вальхен» легитимизирует в сознании современных школьников систему ценностей коллаборационистов в Великую Отечественную войну через постепенное сдвигание героической (во все времена) отечественной аксиологии по шкале градации «информационного предела». Вот как работает эта «технология», которая позволяет постепенно инкорпорировать антиценности в сознание читателей, оставаясь в рамках допустимых значений.

Герои повести «Облачный полк» Веркина – подростки-партизаны, гибель партизанского отряда (каждый герой которого имеет лицо, характер, то есть «живет», обретает свою онтологию в сознании читателя и остается в его памяти) становится и личной трагедией читателя-подростка. Гибель героев осмыслена как жертва, созидающая жизнь в литургическом времени. Этот уровень реальности не доступен для понимания ресентиментного сознания и считается им плоскостно, как мифологическая реальность для сознания профанного.

Героиня романа «Вальхен», шокированная расстрелом жителей города, читает объявление, «написанное на трех языках – немецком, русском и крымско-татарском: “В наказание за взрыв комендатуры, произведенный неизвестными партизанами, и за поджог вокзала, виновные в котором не найдены, в городе расстреляно по одному человеку с каждого квартала. В течение трех дней жителям запрещено забирать и хоронить трупы. За попытку проникнуть на место казни – расстрел. Впредь за каждую партизанскую акцию или укрывательство партизан будут расстреливаться жители города, если виновные не будут выданы германскому командованию немедленно”» (Громова, 2024, с. 145). По воле автора девушке становится понятно, что партизанское движение – «неоправданный риск... бессмысленная жертва. Что они – не понимают, что делают?! Зачем взрывать пустую комендатуру, если из-за этого погибнут несколько сотен ни в чем не повинных жителей? Какой толк в подобной партизанщине?!» (Громова, 2024, с. 145).

Для Нератовой, которая добровольно стала служить немцам («было сначала очень неловко ехать по улице в телеге с немцем... Но когда выехали из Эссентуков... меня охватила радость: природа была совершенно прелестная» (1996, с. 143)), партизаны – просто враги («неоднократно слышала, что партизаны нападали на немецких управляющих, иногда убивали их» (1996, с. 143)). Автор дневника выезжала только с «шефом»: «Ваг не отпускал меня одну, опасаясь партизанских нападений: на Украине он пережил несколько раз налеты партизан на вверенные ему хозяйства, которые он восстанавливал и которыми руководил» (Нератова, 1996, с. 145).

Ценностные установки авторов книг «Вальхен» и «Облачный полк» полярны. В этом контексте повесть «Сахарный ребенок» – пролегомены к теме. Художественность – это отбор, у автора есть пространство для идеологического маневра – можно «опустить» или изменить «неудобные» эпизоды: беллетристика позволяет корректировать исторические факты в «ручном» режиме. Роман «Вальхен» – попытка через дискредитацию политической системы разрушить смысл Победы, «перезагрузить», переосмыслить ценности, фундирующие сознание наших соотечественников в период Великой Отечественной войны; с позиций идеологических оппонентов сместить событие, «дарующее», по их мнению, настоящую свободу к августу 1991 года.

В первую очередь – это плохая литература, скроенная по лекалам идеологических клише, не имеющая художественной ценности и дающая представление студентам-филологам о том, как работают информационно-когнитивные ментальные технологии, направленные на изменение и формирование сознания детей и подростков.

В повести «Облачный полк» отечественная история проецируется на «священную» историю, историческое соединяется с сакральными ценностями. Такое понимание встраивает исключительно значимое историческое событие эпического уровня (эпос может быть написан только на тему национально значимого события) в многовременную «объяснительную модель» с заданными ценностными императивами параметрами. Через историю формируется национальная галерея героев, образы которой транслируют базовые идентичные ценности, связывающие временные пласты исторической памяти. Подрыв идентичной системы социализации подростка происходит через дегероизацию национальной истории, через переоценку подвига как преступления и дискредитацию морального облика человека или – в случае советского прошлого – коллективного субъекта (соборного братского единства), его созидавшего.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Сопоставление аксиологем, фундирующих ценностные позиции авторов романа «Вальхен» и дневника «В дни войны» позволяет ответить на вопрос, почему при тяготении к литературе факта, к неофициальной патристической точке зрения, желании восстановить историческую справедливость, правду, подросткам предлагается не документальная литература, а беллетристика. В «эго-документе» четко артикулированы, обнажены

истинные ценности идеологических оппонентов советской власти. У писателя есть пространство для идеологического маневра – можно «опустить» или изменить «неудобные» эпизоды: беллетристика позволяет корректировать исторические факты в «ручном» режиме. Роман «Вальхен» легитимизирует в сознании современных школьников систему ценностей коллаборационистов в Великую Отечественную войну через постепенное сдвигание традиционной аксиологии по шкале градации «информационного предела». Эта технология «работает» следующим образом: герои повести Э. Веркина «Облачный полк» – подростки-партизаны, гибель героев осмыслена как жертва, созидающая жизнь в литургическом времени (этот уровень реальности не доступен для понимания ресентиментному сознанию и считывается им плоско, как мифология советской официальной аксиологии); в романе «Вальхен» деятельность партизан проблематизируется и представляется как бессмысленная; в дневнике Нератовой партизаны – враги. Роман «Вальхен» – попытка через дискредитацию политической системы разрушить смысл Победы, «перезагрузить», переосмыслить ценности, фундаментирующие советского человека в период Великой Отечественной войны, с позиций идеологических оппонентов, сместить событие, дарующее «настоящую свободу» к августу 1991 года.

Полагаем, что перспективы дальнейшего исследования ценностных ориентиров современной исторической прозы для подростков должны центрироваться на следующих тезах: в отечественной истории на сегодняшний день нет запретных тем, но есть – сложные. Художественность в литературе – это отбор. Основание для отбора – ценностная позиция автора. Критерий художественной репрезентации сложных тем в детском и подростковом литературном сегменте – талант.

Источники | References

1. Алексеев М. А., Фрейдина Е. В., Хрущев С. Е. Управление сложными системами: пределы и преобразование информации в поведение // Развитие территорий. 2021. № 1 (23).
2. Бернацкая А. А., Гаврилов Л. А., Жилина В. А., Игнатова Е. С., Канавцев М. В., Колмогорова А. В., Копнина Г. А., Коцюбинская Л. В., Кушнерук С. Л., Мигулева М. В., Михальская А. К., Панова Ю. В., Прилукова Е. Г., Сабиров В. Ш., Самкова М. А., Сквородников А. П., Соина О. С., Тагильцева Ю. Р., Татарникова Н. М., Чудинов С. И. Лингвистика информационно-психологической войны: монография: в 4 кн. / под ред. проф. А. П. Сквородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. Кн. II.
3. Горелкин В. А. Пропагандистская деятельность нацистской Германии среди военнослужащих Красной Армии и населения временно оккупированных территорий СССР в период Великой Отечественной войны: 1941-1945 годы: дисс. ... к. ист. н. Волгоград, 2003.
4. Ермолов И. Г. Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на оккупированных территориях СССР в 1941-1944 гг.: дисс. ... к. ист. н. Тверь, 2005.
5. Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука; Восточная литература, 1994.
6. Лану А., Херолд К., Бухина О. Прощание с коммунизмом: детская и подростковая литература в современной России (1991-2017). М.: Новое литературное обозрение, 2024.
7. Синецкая А. В. Формулы мелодраматического сюжета, игра в эпос и советская метафизика // Детские чтения. 2016. № 2 (10).
8. Сорокина О. Л. Фашистская пропаганда в войне против СССР // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. № 2 (3).
9. Суверина Е. В. История ненависти. «Неудобное» прошлое в рассказах для детей // Преподаватель XXI век. 2015. № 3.
10. Черняк М. А. Эффект узнавания реальности в современной прозе для переходного возраста // Детские чтения. 2013. Т. 4. № 2.
11. Шанцева Е. Н. Психологическая «обработка» населения оккупированной территории Брянщины в период с 1941 по 1943 годы // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 2.

Информация об авторах | Author information

Свитенко Наталья Вячеславовна¹, к. филол. н., доц.
¹ Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Natalya Viatcheslavovna Svitenko¹, PhD
¹ Kuban State University, Krasnodar

¹ svitenko@list.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 05.09.2024; опубликовано online (published online): 14.10.2024.

Ключевые слова (keywords): современная проза для подростков; роман «Вальхен» О. Громовой; эго-документ «В дни войны» Р. Нератовой; войны памяти; онтологическая оборона; художественная аксиология; contemporary young adult prose; O. Gromova's novel "Valchen"; R. Neratova's "ego-document" "In Wartime"; wars of memory; ontological defense; artistic axiology.